

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ СТАТЬ БОГАТЫМ

Бансир, мастер по изготовлению колесниц в Вавилоне, пребывал в глубоком унынии. С места на невысокой стене, окружавшей его владения, он грустно взирал на свой простой дом и открытую мастерскую, где стояла незаконченная колесница. Его жена то и дело появлялась в проеме дверей. Взгляды, которые она украдкой на него бросала, ясно давали понять, что запасы еды почти истощились и ему давно пора взяться за работу — отполировать и покрасить колесницу, туго натянуть кожу на обода колес, подготовить колесницу к отправке и продать ее богатому заказчику.

Однако его плотное, мускулистое тело не двигалось с места. Его медлительный ум терпеливо бился над проблемой, с которой он никак не мог справиться.

Жаркое тропическое солнце, обычное для долины Евфрата, жгло его без жалости. На лбу выступили капли пота, но Бансир не замечал, как они стекают вниз и теряются в густых волосах, покрывающих его грудь.

За его домом возвышались ступенчатые стены, окружавшие царский дворец. Неподалеку, уходя в самое небо, поднималась выкрашенная в яркие цвета башня храма Ваала. В тени этого великолепия и стояло его скромное жилище вместе со многими другими, еще более бедными домишками. Таков был Вавилон: смесь величия и убожества, ослепительного богатства и ужасающей нищеты, застроенный без плана и системы в защитных стенах город.

Если бы Бансир потрудился оглянуться, он увидел бы шумные колесницы богачей, расталкивавшие всех вокруг — и торговцев в сандалиях, и босоногих нищих. Но даже богачам приходилось сворачивать в придорожные канавы, чтобы дать дорогу длинным вереницам царских рабов-водоносов, каждый из которых нес тяжелый бурдюк из козлиной шкуры с водой для полива висячих садов.

Бансир был слишком поглощен своей проблемой, чтобы слышать беспорядочный гул оживленного города. Он и не прислушивался. Из задумчивости его вывел неожиданный звон струн знакомой лиры.

Он обернулся и увидел приветливое, улыбающееся лицо лучшего друга — музыканта Кобби.

— Да благословят тебя боги великой щедростью, мой добрый друг, — начал Кобби с цветистого приветствия. — Хотя, похоже, они уже одарили тебя своей милостью, раз ты можешь сидеть без работы. Я радуюсь вместе с тобой твоей удаче. Я даже готов разделить ее с тобой. Твой кошелек, должно быть, набит монетами, иначе ты бы в поте лица работал в мастерской. Поэтому прошу тебя, извлеки из него два несчастных шекеля и одолжи мне до сегодняшнего вечернего пира у знати. Ты и не заметишь, как они вернуться к тебе.

— Если бы у меня было два шекеля, — мрачно ответил Бансир, — я никому бы их не одолжил — даже тебе, лучшему из друзей. Ведь это было бы все мое состояние. Никто не дает в долг все свое состояние, даже лучшему другу.

— Что я слышу? — воскликнул Кобби с искренним удивлением. — У тебя нет ни шекеля в кошельке, а ты сидишь, как статуя, на стене! Почему не доделываешь колесницу? Как же ты собираешься удовлетворить свои благородные потребности? Это на тебя не похоже, друг мой. Где твоя неиссякаемая энергия? Тебя что-то огорчает? Уж не боги ли навлекли на тебя беду?

— Должно быть, это испытание богов, — согласился Бансир. — Все началось с того, что я увидел сон. Совершенно бестолковый сон. Мне снилось, что я богат и на поясе у меня висит красивый кошелек, набитый монетами. Там были шекели, которые я беззаботно бросал нищим; были сребреники, на которые я покупал роскошные наряды для жены и все, что хотел для себя; были золотые, благодаря которым я был уверен в будущем и не боялся тратить серебро. Меня переполняла радость! Ты бы не узнал во мне своего трудолюбивого друга. Не узнал бы ты и мою жену. На ее лице не было ни морщины, и оно сияло счастьем. Она снова стала улыбчивой девушкой, как в день нашей свадьбы.

— И правда, хороший сон, — заметил Кобби, — но почему же столь приятные чувства, которые вызвал он в тебе, превратили тебя в мрачную статую на стене?

— Ты еще спрашиваешь? Потому что, когда я проснулся и вспомнил, как пуст мой кошелек, меня охватила тоска. Подумай сам, ведь мы, как говорят моряки, в одной лодке. В детстве мы вместе ходили к жрецам, чтобы набраться мудрости. В молодости — делили удовольствия на двоих. Повзрослев, мы остались хорошими друзьями. Мы были довольны своей жизнью.

Мы трудились без усталости и легко тратили все, что заработали. Мы ведь и зарабатывали немало, но познать радости, которые сулит богатство, мы можем только в мечтах. Ба! Неужели мы всего лишь безмозглые бараны? Мы живем в самом богатом городе мира. Путешественники говорят, в роскоши ему нет равных. Вокруг столько богатства, но у нас ничего из этого нет. Ты, лучший из друзей, полжизни тяжело работал, но в твоих карманах пусто, и ты просишь одолжить тебе каких-то жалких два шекеля до сегодняшнего пира у знати. И что же я отвечаю? Говорю ли я: «Вот мой кошелек, с радостью поделюсь с тобой его содержимым»? Нет, я признаю, что мой кошелек так же пуст, как и твой. В чем дело? Почему у нас нет ни серебра, ни золота, чтобы хватало не только на еду и одежду?

А еще подумай о наших сыновьях, — продолжал Бансир. — Ведь они идут по стопам своих отцов. Неужели они и их семьи, их сыновья и семьи их сыновей должны всю жизнь провести среди всех этих богатств и, подобно нам, довольствоваться кислым козьим молоком и кашей?

— Сколько лет мы уже дружим, а ты ни разу такого мне не говорил, Бансир. — Кобби был озадачен.

— Все эти годы я так и не думал. С рассвета и до наступления темноты я трудился, строил лучшие

колесницы, какие может сделать человек, просто-душно надеясь, что когда-нибудь боги признают мои достойные деяния и даруют мне великое процветание. Ничего я от них не дождался. И теперь понимаю, что так и не дождусь. Поэтому у меня тоска на сердце. Я хочу быть состоятельным человеком. Хочу владеть землями и скотом, хочу иметь красивые одежды и монеты в кошельке. Я готов работать ради этого изо всех сил, используя все мастерство своих рук, всю изворотливость своего ума, но я хочу получать достойное вознаграждение за свой труд. Что с нами творится? Еще раз спрошу тебя! Почему мы не можем получить свою справедливую долю благ, которые в изобилии достаются тем, у кого есть золото, чтобы за них заплатить?

— Если бы я знал ответ! — вздохнул Кобби. — Я доволен жизнью не больше тебя. Заработанные лирой деньги быстро кончаются. Часто приходится изворачиваться, чтобы семья не осталась голодной. А еще в глубине души я мечтаю о большой лире, чтобы на ней можно было сыграть всю ту музыку, что рождается в моей голове. Даже царь не слышал музыки, какую я мог бы сыграть на таком инструменте.

— У тебя должна быть такая лира. Никто во всем Вавилоне не смог бы заставить ее петь так красиво,

так сладко, что не только царь, но и сами боги были бы в восторге. Но как тебе ее заполучить, если мы оба бедны, как царские рабы? А вот и они. Слышишь, колокольчик звенит?

Он указал на длинную колонну полуголых, потных водоносов, еле бредущих вверх по узкой улочке от реки. Они шли по пять человек в ряд, каждый сгибался под тяжестью бурдюка с водой.

— Видный мужчина ведет их. — Кобби показал на человека с колокольчиком, который шел впереди налегке. — Сразу понятно — знатный муж в своей стране.

— В колонне много хороших людей, — согласился Бансир, — таких же, как мы с тобой. Вон те, высокие и светлые, — с севера, пониже и потемнее — из соседних стран. Они ходят от реки к садам, взад и вперед, день за днем, год за годом. Ничего хорошего их не ждет. Соломенный тюфяк, чтобы поспать, да грубая каша на обед. Жаль этих бедняг, Кобби!

— Мне тоже! Но у нас-то жизнь немногим лучше, хотя мы и называем себя свободными.

— Это правда, Кобби, невеселая, однако, картинка. Не хочу я год за годом влачить рабское существование. Работать, работать, работать! И все впустую.

— А может, узнать, как другие приобретают богатство, и делать как они? — предложил Кобби.

— Наверное, есть какой-то секрет, и мы могли бы его узнать, если бы спросили у тех, кто знает, — задумчиво ответил Бансир.

— Как раз сегодня, — сказал Кобби, — я встретил нашего старого друга Аркада. Он ехал в своей золотой колеснице. И вот что я тебе скажу: он не сделал вид, что не знает меня, бедняка, хотя многие из его сословия сочли бы это правильным. Нет, он помахал рукой, чтобы все увидели, как он приветствует и дарит дружескую улыбку Кобби, простому музыканту.

— Его называют самым богатым человеком во всем Вавилоне, — задумчиво проговорил Бансир.

— Говорят, он так богат, что царь обращается к нему за помощью, когда с казной проблемы, — заметил Кобби.

— Так богат, — перебил его Бансир, — что, боюсь, если я встречу его во мраке ночи, то приберу к рукам его толстый кошелек.

— Глупости, — возразил Кобби, — богатство человека не в кошельке, который он носит. Толстый кошелек быстро опустеет, если не будет золотого потока, который его пополнит. У Аркада есть доход, который постоянно наполняет его кошелек, как бы расточительно он ни тратил.

— Доход, вот в чем дело, — воскликнул Бансир. — Я хотел бы иметь доход, который будет постоянно поступать в мой кошелек, когда я сижу на стене или путешествую по далеким странам. Аркад наверняка знает, как человеку делать деньги для себя. Полагаешь, он сможет объяснить это такому тугодуму, как я?

— Я думаю, он передал знания своему сыну Номасиру, — ответил Кобби. — Разве он не отправился в Ниневию и, как рассказывают на постоялом дворе, без помощи отца стал одним из богатейших людей в том городе?

— Кобби, ты навел меня на отличную мысль. — В глазах Бансира блеснул огонек. — Ничего не стоит попросить мудрого совета у хорошего друга, а Аркад всегда был таким. Неважно, что наши кошельки пусты, как прошлогоднее соколиное гнездо. Это нас не остановит. Надоело быть бедным среди такого изобилия. Мы хотим стать людьми с достатком. Пойдем к Аркаду и спросим, как и нам раздобыть себе доход.

— Ты говоришь с истинным вдохновением, Бансир. Ты приводишь мои мысли в порядок. Теперь я понимаю, почему у нас нет даже крупицы богатства. Мы просто его не искали. Ты терпеливо трудился и делал самые прочные колесницы в Вавилоне. Все твои усилия были направлены только на это. И тут

ты добился успеха. Я стремился стать искусным музыкантом и тоже преуспел. Мы добились успеха в делах, которым отдавали все силы. Богам было угодно позволить нам продолжать в том же духе. Теперь наконец мы видим свет, яркий, как свет восходящего солнца. Он велит нам больше учиться, чтобы больше преуспевать. Тогда мы найдем достойные пути для исполнения наших желаний.

— Пойдем к Аркаду сегодня же, — предложил Бансир. — И позовем с собой старых друзей, которым живется не лучше нашего. Пусть тоже приобщатся к его мудрости.

— Ты всегда заботился о своих друзьях, Бансир. Поэтому у тебя их много. Как ты говоришь, так и сделаем. Мы пойдем сегодня и возьмем их с собой.